

ВАСИЛЪЕВА

A silhouette of a man stands on a rooftop, looking out over a city at night. The background shows apartment buildings and streetlights, with a cloudy sky above. The man is centered in the frame, facing away from the viewer.

КОРОЛИ РАЙОНА

18+

Ирина Васильева

Короли района

«Автор»

2026

Васильева И.

Короли района / И. Васильева — «Автор», 2026

Артём Волков возвращается в родной спальный район после пяти лет войны, надеясь оставить прошлое позади. Но дома его ждёт не покой, а жестокая реальность, где власть принадлежит не закону, а криминальному авторитету по прозвищу Князь. Район превратился в феодальное владение, где каждый житель платит дань за право просто дышать. Попытка Артёма жить по своим правилам оборачивается против него. Попав в пыточную лабораторию «доктора» Князя, он проходит через ад невыносимой боли, но не ломается. Сбежав из пыточной, израненный и загнанный в угол, он объявляет войну всей криминальной империи. Это не просто месть. Это битва одного человека против системы, где на его стороне лишь армейский опыт и жажда справедливости, а против него — деньги, оружие и продажные связи. Артём начинает партизанскую войну: он уничтожает подпольный бизнес, устраняет приближённых Князя и сеет страх в рядах его армии.

© Васильева И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1.	5
Родные стены.	5
Глава 2. Эхо пустоты.	8
Глава 2.1. Полгода до повестки. Когда асфальт плавится.	10
Глава 3. Клеймо на двери.	13
Глава 4. Тень за спиной.	15
Глава 5. «Империя» и её законы.	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Ирина Васильева

Короли района

Глава 1.

Родные стены.

Воздух пах иначе. Не порохом, гарью и сухой пылью чужих степей, а мокрым асфальтом, прелой листвой и чем-то неуловимо техническим — запахом остывающего бетона и далекого завода. Артём Волков стоял на перроне вокзала, сжимая в руке потертый рюкзак, и жадно вдыхал этот аромат. Пять лет. Пять лет он мечтал об этом моменте, но сейчас, когда мечта сбылась, внутри была лишь звенящая пустота.

Поезд Москва — Владивосток, скрипнув тормозами, замер. Артём не стал ждать, пока схлынет толпа. Он легко прыгнул на платформу, проигнорировав ступеньки. Тело помнило

рефлексы, которые здесь, в мирной жизни, казались лишними. Он прошел сквозь людской поток, словно нож сквозь масло, не замечая недовольных взглядов и толчков.

Вокзал остался позади. Такси брать не хотелось. Он хотел пройти этот путь пешком. Услышать город.

Район встретил его не приветствием, а глухим рокотом. Артём свернул с оживленного проспекта в знакомый с детства двор-колодец. Здесь ничего не изменилось и изменилось абсолютно всё. Те же панельные «свечки» уходили в свинцовое небо, те же ржавые качели во дворе. Но на месте старой песочницы теперь стояла огромная, сваренная из швеллеров конструкция — самодельный «парковочный карман». Асфальт вокруг был испещрен масляными пятнами.

У подъезда, где Артём вырос, вместо лавочек с бабушками теперь стоял черный тонированный внедорожник с номерами «007». Из приоткрытого окна доносился тяжелый басовый бит. На капоте сидел парень в спортивном костюме и лениво щелкал семечки, сплевывая шелуху прямо на газон.

Артём замедлил шаг. Он чувствовал на себе взгляд. Не враждебный, скорее оценивающий. Так смотрят на чужую собаку, пытаясь понять: укусит или нет.

— Эй, военный, — окликнул его парень с капота. Голос был молодой, но с хрипотцой. — Докурить есть?

Артём остановился. Медленно повернул голову. Парень был ему незнаком. Лет двадцать пять, наглая ухмылка, золотой зуб.

— Не курю, — глухо ответил Артём.

— Ну и правильно. Здоровье бережешь? Это дело хорошее... для здоровья кошелька.

Парень спрыгнул с капота, хрустнув подошвами дорогих кроссовок по гравию. Он был ниже Артёма на полголовы, но вел себя так, будто владел не только этим двором, но и всем городом.

— Ты к кому приехал-то? К мамке? Или квартиру сдавать будешь? — Парень обошел Артёма по кругу, разглядывая его камуфляжную куртку и тяжелый взгляд.

— Я здесь живу, — спокойно сказал Артём, глядя парню прямо в глаза.

— Да ладно? — Парень картинно всплеснул руками. — А я тут главный по прописке, не знал? Шучу-шучу... Я тут просто порядок навожу. Чтобы всё культурно было. А то ходят тут всякие... с рюкзаками.

Он кивнул на двух крепких ребят, вышедших из-за угла дома. Они остановились в нескольких метрах, скрестив руки на груди.

— С тебя за «парковку» за месяц вперед и за «смотр» территории. Чисто по-соседски.

Артём почувствовал, как внутри закипает глухая ярость. Не та ярость боя, к которой он привык, а холодная, тяжелая злость человека, вернувшегося домой и увидевшего его оскверненным.

— Это детская площадка была, — тихо сказал он.

— Была да сплыла, братан. Время другое. Теперь это зона платной стоянки «Империя-Парк». Правила новые читаешь? Нет? Ну ничего, сейчас прочтешь... на своей шкуре.

Парень сделал шаг вперед и ткнул Артёма пальцем в грудь.

— Короче, военный. С тебя тридцатка за въезд в район и десятка за то, что я с тобой так долго базарю. Иди к банкомату.

В этот момент что-то щелкнуло внутри Артёма. Пять лет дисциплины, пять лет ожидания встречи с домом — всё это рухнуло от одного наглого тычка пальцем в грудь. Он перехватил руку парня у запястья и сжал. Сжал так, что хрустнули кости.

— Убрал руку, — голос Артёма стал похож на скрежет металла.

Лицо парня исказилось от боли и удивления. Он попытался вырваться, но хватка была стальной.

— Ты чё творишь?! Отпусти! Пацаны!

Двое из-за угла дернулись было вперед, но остановились, увидев абсолютно спокойное лицо Артёма. В его глазах не было ни страха, ни безумия — лишь ледяное спокойствие профессионала.

— Я сказал: убрал руку от моей груди и извинился за то, что плюешь там, где играют дети.

Парень побледнел. Он судорожно закивал свободной рукой.

— Всё-всё! Понял! Отпускай!

Артём разжал пальцы так же внезапно, как и схватил их. Парень отскочил назад, баюкая вывернутое запястье и глядя на Артёма с суеверным ужасом.

— Ты... ты кто такой вообще?

— Я? — Артём закинул рюкзак на плечо и посмотрел на серое небо, с которого начинал накрапывать мелкий дождь. — Я хозяин этого района вернулся домой.

Он прошел мимо застывших «быков», поднялся по знакомой до боли лестнице на свой этаж. Ключ вошел в замочную скважину родного замка со знакомым скрипом. Дверь открылась в темноту квартиры, пахнущую пылью и одиночеством.

Артём перешагнул порог своего прошлого и закрыл за собой дверь в новую жизнь, которая обещала быть куда более жестокой, чем война.

Глава 2. Эхо пустоты.

Квартира встретила его тишиной, густой и осязаемой, как пыль, годами оседавшая на полированной поверхности старого серванта. Артём щелкнул выключателем. Лампочка под потолком мигнула раз, другой и загорелась тусклым, болезненным светом, выхватив из полумрака знакомые очертания. Всё было на своих местах. Тот же продавленный диван, накрытый выцветшим пледом, тот же телевизор «Рубин» в углу, накрытый кружевной салфеткой. Будто время здесь остановилось в тот самый день, когда он получил повестку.

Он прошел на кухню. Холодильник был отключен от сети, дверца приоткрыта. На столе стояла одинокая чашка с засохшим чайным кольцом на дне — след от последнего чаепития матери. Артём коснулся фарфорового бока. Чашка была ледяной.

Мать умерла год назад. Он узнал об этом из скупого письма соседки, которое переслала ему военная часть. «Артём, милый, мамы больше нет с нами. Сердце. Похоронили мы её, соседи скинулись. Ты не вини себя, ты же Родину защищал». Он помнил этот листок в клеточку наизусть. Помнил и то чувство — глухой удар под дых и странное онемение. Там, на войне, смерть была врагом или неизбежностью. Здесь она была предательством. Она забрала у него дом, пока он был далеко.

Артём прошел в свою комнату. Здесь всё осталось так, как было в его восемнадцать лет. Плакаты с рок-группами на стенах (края уже начали отклеиваться), стопка учебников по физике на полке, модель самолёта Су-27 на шкафу. Детский мир подростка, который так и не успел стать взрослым до того, как его швырнули в пекло.

Он сел на кровать. Пружины жалобно скрипнули. Рюкзак с глухим стуком упал на пол.

«Я вернулся», — мысленно сказал он в пустоту.

Никто не ответил.

Тишина давила на уши после грохота канонады и постоянного шума базы. В этой тишине каждый шорох казался оглушительным: капля воды из подтекающего крана на кухне била по раковине с ритмичностью метронома.

Внезапно эту тишину разорвал резкий, требовательный звонок в дверь.

Артём замер. Звонок повторился — длинный, наглый, не прекращающийся ни на секунду. Кто-то жал на кнопку и не отпускал.

Он медленно поднялся и вышел в коридор. Глазка в двери не было — старая советская конструкция. Он прислушался. За дверью слышались приглушенные голоса и смешки.

— Эй, военный! Открывай! Мы знаем, что ты там! — раздался знакомый голос с улицы.

Это был тот самый парень с парковки. Артём узнал его интонации.

— Я же сказал тебе: это мой дом.

— Дом твой, а земля под ним — наша! — крикнул кто-то другой, и раздался дружный гогот.

Артём вздохнул и открыл дверь.

На пороге стояли трое. Парень с парковки (Артём мысленно окрестил его «Спортсмен») держался за запястье чуть позади остальных. Вперед выдвинулся другой — постарше, с перебитым носом и тяжелым взглядом глубоко посаженных глаз. Он был одет в дорожное пальто поверх спортивного костюма.

— Ну здравствуй, защитник, — протянул он с лентой, окидывая Артёма оценивающим взглядом с головы до ног. — Ты не понял правил игры там, внизу? Мы вежливо просим похорошему.

— Я вас не знаю и знать не хочу, — отрезал Артём, делая шаг назад и готовясь закрыть дверь.

Перебитый Нос оказался быстрее. Он молниеносно поставил ногу в дорогом ботинке в дверной проем.

— А придется узнать, братан. Меня зовут Валет. Я тут смотрящий от Князя Ибрагимова. Слышал о таком?

Артём промолчал. Имя звучало весомо.

— Так вот, — продолжил Валет, понизив голос до доверительного шепота. — Ты сегодня показал характер моему человеку. Это непорядок. Но мы люди не злопамятные... если нам платят за беспокойство.

— Я уже сказал: я здесь живу.

— Живешь? — Валет усмехнулся и обвел взглядом обшарпанный подъезд за спиной Артёма. — Это не жизнь, братан. Это существование. А я тебе предлагаю статус. Ты же мужик тертый, я вижу. Такие нам нужны. Не шестеркой какой-то, а при деле будешь. Бабки нормальные, крыша над головой не такая конура... Подумай.

— Мне не о чем думать.

Валет прищурился. Улыбка сползла с его лица.

— Зря ты так. Князь не любит, когда ему отказывают дважды.

Он убрал ногу от двери и кивнул Спортсмену:

— Объясни доходчиво.

Спортсмен дернулся вперед, но Валет остановил его жестом.

— Не здесь. Пусть сначала прочувствует. Завтра к вечеру жду ответ у «Империи». Или деньги, или согласие. А чтобы думалось лучше...

Валет резко выбросил руку вперед и толкнул Артёма ладонью в грудь. Не сильно, но унизительно. Артём пошатнулся, но удержал равновесие.

— ...мы тебе напоминание оставим.

Он достал из кармана пальто баллончик с краской и быстро нарисовал на двери квартиры Артёма жирную цифру «7». Затем перечеркнул её косым крестом — знаком запрета или смерти.

— Седьмой этаж — твоя высота? Вот и сиди на ней тихо. Шаг вниз сделаешь без нашего ведома — полет будет коротким.

Троица развернулась и начала спускаться по лестнице, их шаги эхом отдавались в бетонном колодце подъезда вместе со смехом Спортсмена:

— Слышь, военный! А ты правда людей убивал? Руки-то небось по локоть в крови!

Дверь захлопнулась перед их носами.

Артём стоял в темной прихожей и смотрел на черную краску на светлом дерматине двери. Цифра «7» казалась клеймом. Он коснулся её пальцем — краска еще не высохла до конца.

Внутри него боролись два чувства: глухая ярость бойца, готового рвать глотки за свой порог, и холодная усталость человека, который только что вернулся с войны и обнаружил, что война ждала его здесь.

Он закрыл дверь на все замки и задвижку. Подошел к окну на кухне. Внизу во дворе всё так же стоял черный внедорожник «007». Фары вспыхнули, моргнули аварийкой и машина медленно выехала со двора, увозя его проблемы прочь от подъезда.

Но Артём знал: это лишь отсрочка. Они вернутся завтра. И послезавтра. Пока он не сломается или не ответит так, как умеет только он один.

Он отошел от окна и посмотрел на свои руки. Руки были пусты. Но он знал: это ненадолго.

Глава 2.1. Полгода до повестки. Когда асфальт плавится.

Лето выдалось аномально жарким. Асфальт во дворе плавился и становился мягким, как пластилин, оставляя черные следы на подошвах. Артём Волков, тогда еще просто Арт, сидел на крыше своей девятиэтажки и курил, глядя на закат. Солнце, огромное, багровое, медленно тонуло в дымке заводских труб на горизонте. Воздух был тяжелым, пах раскаленным бетоном и шашлыком из соседнего кафе.

Ему было восемнадцать. Впереди маячило туманное «завтра»: институт (может быть), работа (точно), свобода (безусловно). Но сейчас, в эту секунду, не существовало ничего, кроме этого заката и легкого головокружения от высоты.

— Артём! Волков! — донесся снизу звонкий голос.

Он перегнулся через парапет. У подъезда стояла Лена. В руках у нее был пакет с продуктами — значит, мать отправила в магазин. Она задрала голову и прикрыла глаза ладонью от солнца.

— Спускайся! У меня для тебя сюрприз!

Артём улыбнулся. Он затушил сигарету о подошву и сунул бычок в карман — мать убьет, если найдет окурки в комнате, но выбрасывать на асфальт он не мог из принципа. Спускаться по лестнице было лень. Он подошел к пожарной лестнице и, как кошка, быстро и бесшумно соскользнул вниз на два пролета, спрыгнув прямо перед ней.

— Привет. Что за сюрприз?

Лена улыбнулась в ответ. В ее улыбке было всё лето.

— Я купила твое любимое мороженое. С карамелью и орехами. И... я сдала последний экзамен.

— Да ладно! — Артём выхватил у нее пакет, порылся в нем и достал брикет мороженого. — Ты гений! Значит, ты теперь свободна как ветер?

— Почти. Осталось только дождаться результатов.

Они пошли по двору, медленно, никуда не торопясь. Артём обнял ее за плечи. Лена была его миром. Не районом с его грязными подъездами и вечными разборками у ларьков, а именно она — с ее светлыми волосами, запахом ванили и верой в то, что всё будет хорошо.

Они свернули за угол дома и тут же наткнулись на них.

У соседнего подъезда стояла компания. Пятеро парней постарше, лет по двадцать-двадцать пять. Центром внимания был Руслан Ибрагимов — будущий Князь. Уже тогда в нем чувствовалась эта тяжелая, подавляющая энергетика вожака. Он стоял, прислонившись к капоту своей первой машины — подержанной «девятки», которую он холил и лелеял больше, чем кого-либо из своих прихвостней.

— Опа! Какие люди! — протянул Руслан, заметив парочку. Его голос был ленивым, но в нем звенел металл.

Артём почувствовал, как Лена инстинктивно прижалась к нему ближе.

— Привет, Руслан, — спокойно сказал Артём, пытаясь пройти мимо.

Ибрагимов сделал шаг в сторону, преграждая путь.

— Стоять. А что это у нас тут? Мороженое? Угостишь старших?

Это была стандартная разводка. Проверка на вшивость.

— Это мое мороженое, Руслан. Я его купил.

В воздухе повисло напряжение. Один из парней из свиты Руслана хмыкнул:

— Слышь, Князь (тогда его еще так не называли вслух), он борзый какой-то.

Руслан перевел тяжелый взгляд с Артёма на Лену и обратно.

— Борзый — это хорошо. Борзые долго не живут... или живут очень богато. Ты кем хочешь быть после школы? В институт собрался?

— Собрался.

Руслан сплюнул под ноги.

— Институт... Диплом получишь и будешь за тридцать тысяч в офисе чахнуть? Или в школу пойдешь, как твоя мамка? — он кивнул Лене. Та побледнела.

Артём сжал кулаки в кармане ветровки.

— Это честные деньги.

Руслан расхохотался — громко, от души.

— Честные? Слушай сюда, студент. Я вот честным бизнесом занялся. Автозапчасти гоняю. И знаешь что? Я за один день поднимаю больше, чем твоя мамка-училка за год. А ты со своим институтом будешь горбатиться на дядю до пенсии. А потом сдохнешь в нищете.

Он сделал паузу и подошел вплотную к Артёму. От него пахло дорогим одеколоном и властью.

— Или ты можешь работать на меня. Мне нужны парни с характером. Я научу тебя считать реальные деньги.

Артём посмотрел ему прямо в глаза.

— Спасибо за предложение. Но я как-нибудь сам разберусь со своей жизнью.

Тишина стала звенящей. Казалось, даже дворовые голуби перестали ворковать.

Руслан медленно растянул губы в улыбке, но глаза остались холодными и злыми.

— Сам так сам. Это твой выбор. Но запомни этот день, Волков. Когда ты поймешь, что я был прав... когда тебе станет нечего жрать... ты придешь ко мне. И тогда цена за вход будет уже другой.

Он отступил в сторону, давая пройти.

Артём обнял Лену крепче и молча повел ее прочь от этой компании. Он чувствовал спиной их взгляды — тяжелые, оценивающие.

В тот вечер они сидели на той же крыше и ели то самое мороженое. Солнце давно село, небо стало темно-синим, и на нем зажглись первые звезды.

Лена положила голову ему на плечо.

— Ты был очень смелым сегодня.

Артём промолчал. Он не чувствовал себя смелым. Он чувствовал себя глупым мальчишкой, который только что отказался от спасательного круга в бурном море будущего района. Но рядом была она, и это всё меняло.

Через полгода пришла повестка из военкомата. В тот день небо над районом было таким же серым и тяжелым, как бетонная плита. Мать плакала на кухне тихо-тихо, чтобы он не слышал. А Лена просто смотрела на него огромными глазами и молчала.

Он поцеловал ее на прощание у подъезда той самой девятиэтажки и пообещал вернуться через год.

Он еще не знал тогда имени человека по прозвищу Князь так хорошо, как узнал его сейчас на парковке у своего дома.

Глава 3. Клеймо на двери.

Тишина, обрушившаяся на Артёма после ухода незваных гостей, была не просто отсутствием звуков. Это была плотная, давящая субстанция, которая, казалось, заполняла легкие, мешая дышать. Он стоял в темной прихожей, уставившись на черную, еще липкую краску на двери. Цифра «7» и крест. Это был не просто знак запрета. Это было клеймо. Метка чужого мира, вторгшегося в его личное пространство.

В армии он привык к иерархии и правилам. Там всё было понятно: есть враг, есть приказ, есть боевая задача. Здесь же, в родном доме, враг носил дорогие пальто и говорил о «беспокойстве», за которое нужно платить. Правила были написаны баллончиком на его двери.

Артём медленно провел пальцем по свежей краске, оставив на ней смазанный след. Черное на черном. Он чувствовал, как внутри поднимается не ярость — холодная, расчетливая злость. Та самая, что помогала ему выживать в засадах, когда нужно было не стрелять на звук, а ждать и думать.

Он вернулся в квартиру. Запах пыли и запустения стал казаться удушающим. Артём распахнул окно на кухне. В комнату ворвался гул ночного города: далекий вой сирены, шум машин на проспекте и глухая долбёжка басов откуда-то снизу — из подвального клуба или припаркованной машины.

Он достал из рюкзака армейский нож и старую ветошь. Вернувшись к двери, он присел на корточки. С минуту он просто смотрел на рисунок, запоминая его. Затем резким движением провел лезвием по краске, сдирая её вместе с тонким слоем дерматина. На пол посыпались черные хлопья. Работа была кропотливой и грязной. Он оттирал дверь до тех пор, пока от цифры «7» не осталось лишь бледное, размытое пятно, а от креста — несколько темных штрихов.

Закончив, он скомкал испачканную тряпку и выбросил её в мусорное ведро на кухне. Взгляд упал на стол. На засохшее чайное кольцо в чашке. Артём открыл кран. Трубы глухо заворчали, и из смесителя потекла ржавая вода. Он долго ждал, пока она не станет прозрачной.

Он вымыл чашку. Тщательно, с мылом. Поставил её на сушилку. Затем так же методично протер стол, подоконник и даже выключатель в коридоре. Эти простые, бытовые действия успокаивали. Они возвращали ему контроль над реальностью. В этом маленьком пространстве он всё еще был хозяином.

Когда с уборкой было покончено, Артём прошел в комнату матери. Здесь всё было застыло во времени: вязаная салфетка на телевизоре, флакон духов на трельяже, недочитанная книга закладкой вниз.

— Я вернулся, мам, — тихо сказал он в пустоту.

Он сел на край её кровати и закрыл лицо руками. Усталость навалилась бетонной плитой. Физическая — от дороги домой, и моральная — от столкновения с новой реальностью. Он вспомнил слова Валета: «Завтра к вечеру жду ответ у "Империи"».

«Империя». Так вот как теперь называлось то место, где раньше была детская площадка с песочницей и скрипучими качелями.

Артём лег спать не раздеваясь, прямо поверх покрывала на своей старой кровати. Сон пришел не сразу. Ему снилась война: сухой треск автоматных очередей и пыльные улицы чужого города. Но сквозь этот шум пробивался другой звук — наглый, непрерывный звонок в дверь и издевательский смех.

Он проснулся от того же звука.

Резко сев на кровати, Артём несколько секунд не мог понять, где находится. За окном было уже светло — серый рассвет нового дня. Звонок в дверь повторился: короткий и требовательный.

Это не могли быть они снова. Слишком рано... или слишком нагло?

Артём бесшумно поднялся и подошел к двери. Он не стал спрашивать «Кто там?». Он приложил ухо к холодному металлу.

С той стороны доносились приглушенные голоса:

— Да говорю тебе, он там! Машина его во дворе стояла!

— Ломать будем? Валет сказал только припугнуть...

— Да какой припугнуть! Он Князя за руку схватил! Его валить надо!

Сердце пропустило удар. «Князя за руку схватил»? Артём нахмурился. Вчера у подъезда был Валет и его шестерки. Никакого «Князя» он не видел. Они что-то путают? Или... это просто предлог?

Решение пришло мгновенно. Он тихо отступил от двери и метнулся на кухню. Открыл окно. Пятый этаж — высоковато для прыжка, но рядом проходит пожарная лестница, старая и ржавая. Он перекинул ногу через подоконник.

В этот момент за дверью раздался глухой удар — кто-то проверял замок на прочность плечом.

— Открывай по-хорошему! Милицию вызовем!

Артём ухватился за перекладину лестницы. Металл был холодным и шершавым от ржавчины. Он начал спускаться вниз так быстро и бесшумно, как только мог, стараясь не смотреть на землю далеко внизу.

Спрыгнув на асфальт с высоты второго пролета, он приземлился на полусогнутые ноги и тут же откатился в тень кустов у соседнего подъезда. Вовремя. Дверь его квартиры с грохотом распахнулась (видимо, замок не выдержал), и из подъезда выскочили двое парней в спортивных костюмах.

— Пусто! — крикнул один из них.

— Сбежал! Через окно ушел!

Они растерянно оглядели пустой двор.

— Валет нас убьет... Надо валить отсюда.

Парни быстро направились к припаркованной у подъезда выдавшей вида «Ладе». Артём дождался, пока они уедут, выбрался из своего укрытия и посмотрел вверх, на свое окно на пятом этаже. Квартира была открыта и незащищена.

Он не мог туда вернуться сейчас. Не мог позволить им найти то небольшое ценное, что у него осталось после службы.

Артём закинул рюкзак за спину и быстрым шагом вышел со двора через арку. Он шел по просыпающемуся району — мимо ларьков с шаурмой, мимо помятых «Газелей», мимо подростков с банками энергетика в руках.

Район жил своей жизнью. И эта жизнь больше ему не принадлежала.

Ему нужно было найти место для передышки и понять правила игры по-настоящему. А главное — понять, кто такой этот Князь Ибрагимов и как заставить его убрать свою метку с двери его дома раз и навсегда.

Глава 4. Тень за спиной.

Артём шел по району, стараясь не привлекать внимания. Он надвинул капюшон толстовки пониже, но это было лишним — в семь утра на улицах не было никого, кто мог бы его узнать. Дворники-азиаты в оранжевых жилетах лениво шаркали метлами по асфальту, да у круглосуточного магазина «24 часа» топтался одинокий алкаш, пытаясь прикурить сломанную сигарету.

Район выглядел ещё более убого при дневном свете. Облупившаяся краска на фасадах, ржавые остовы «ракушек» во дворах, исписанные граффити стены трансформаторной будки. Артём чувствовал себя здесь чужим. Это была не ностальгия, а болезненное узнавание места, которое он когда-то любил, но которое предало его память.

Ему нужно было где-то отсидеться, подумать и найти информацию. Он достал из кармана телефон — старый, кнопочный, купленный на пересадке в Новосибирске. В записной книжке было всего два номера. Один — соседки тети Зины, которая написала ему о смерти матери. Второй он набрал сейчас.

— Михалыч? Привет. Это Артём Волков.

В трубке повисло тяжелое молчание, а затем раздался глухой кашель.

— Живой, значит. Слышал я... слухи ходили. Вернулся, волчара?

— Вернулся. Слушай, мне помощь нужна. Приютишь на пару дней? У меня дома... проблемы.

Снова пауза. Михалыч был бывшим участковым, уволенным «по состоянию здоровья» лет десять назад. Он знал этот район как свои пять пальцев и ненавидел его так же сильно, как и Артём.

— Ко мне нельзя. Я на первом этаже, весь двор как на ладони. Засекут тебя — и мне крышка, и тебе не поможет.

— Я понимаю. Мне бы просто точку. Переждать.

— Есть одно место... — голос Михалыча стал тише, словно он боялся, что его подслушивают. — Заброшка на Заводской. Бывший дом культуры «Металлист». Слышал?

— Помню такое.

— Там бомжи ночуют иногда, но днем пусто. Заходи с черного хода, там дверь на соплях держится. Третий этаж, актовый зал. Там тихо.

— Спасибо, Михалыч.

— Не за что. И это... будь осторожен. Ибрагимов — тварь мстительная. Он не прощает. Связь оборвалась.

Заводская улица находилась на самой окраине района, за железной дорогой и промзоной. Место было гиблое: с одной стороны — глухой бетонный забор заброшенного завода, с другой — чахлый лесополоса. Дом культуры «Металлист» стоял чуть в стороне от дороги — массивное трехэтажное здание из серого кирпича с выбитыми окнами и осыпавшейся лепниной у входа.

Артём обошел здание кругом. Главный вход был заколочен досками крест-накрест, но черная лестница с торца здания выглядела именно так, как описывал Михалыч: старая металлическая дверь висела на одной петле и была просто прислонена к косяку.

Внутри пахло сыростью, плесенью и мочой. На полу в коридоре валялись шприцы и пустые бутылки из-под дешевого портвейна. Стены были покрыты слоями грязи и похабными надписями. Артём поднялся по лестнице на третий этаж. Ступени скрипели под ногами так громко, что казалось, сейчас сбежится весь район.

Дверь в актовый зал была распахнута настежь. Внутри царил полумрак и разгром. Сцена провалилась, кресла из зрительного зала были вырваны с корнем и свалены в огромную кучу

у дальней стены. Лучи утреннего солнца пробивались сквозь дыры в крыше, рисуя на грязном полу причудливые узоры.

Артём сел на пол в углу, прислонившись спиной к холодной стене. Здесь было безопасно и тихо. Идеальное место для планирования.

Он достал из рюкзака бутылку воды и армейский сухпак. Есть не хотелось, но нужно было восстановить силы. Жуя безвкусную галету, он достал телефон и открыл браузер.

«Князь Ибрагимов», «криминальный авторитет Юго-Запада», «владелец сети "Империя-Парк"» — запросы не давали ничего конкретного. Никаких громких уголовных дел или новостей об арестах. Только рекламные статьи о том, какой он меценат (спонсировал турнир по боксу среди трудных подростков) и владелец сети платных парковок и автомоек под брендом «Империя».

Это была грамотная работа. Князь не светился в криминале напрямую. Он создал легальный фасад для своих денег и правил районом через систему поборов и подконтрольных ему «смотрящих» вроде Валета.

Артём закрыл браузер и посмотрел на свои руки. Руки солдата. Они умели стрелять, минировать тропы и оказывать первую помощь под огнем. Но они не умели играть по правилам теневой экономики спального района.

Ему нужна была информация изнутри. И он знал только одного человека здесь, кому мог бы доверять... или хотя бы попытаться поговорить.

Лена.

Они расстались плохо перед его уходом в армию. Последнее сообщение от неё он получил уже из учебки: «Не пиши мне больше». Он понимал её обиду — год разлуки без точных дат возвращения — но боль от потери была слишком острой.

Он нашел её профиль в соцсети одним из первых, еще сидя на пересылке. Фотографии: улыбка с другим парнем, фото из кафе, отметки геолокации... Она жила всё там же, двумя домами дальше от его подъезда.

Это был огромный риск. Если люди Князя следят за его квартирой (а они наверняка следят), то появление Артёма у дома Лены будет замечено мгновенно. Но другого выхода не было.

Артём посмотрел на часы: половина девятого утра. Она должна быть либо дома (если сегодня выходной), либо уже ушла на работу (она училась на последнем курсе педагогического). Он должен проверить.

Выбравшись из своего укрытия тем же путем, он направился обратно к жилому массиву. Он шел дворами, избегая главных улиц и камер видеонаблюдения у супермаркетов. Подойдя к её дому, он остановился за углом соседней «свечки», откуда хорошо просматривался её подъезд.

Прошел час. Ничего не происходило. Артём уже начал думать о том, чтобы уйти ни с чем, когда дверь подъезда распахнулась.

Она вышла на улицу.

Время не пощадило её так же жестоко, как этот район, но она осталась невероятно красивой. Те же светлые волосы (теперь короче), та же легкая походка... Но что-то изменилось в осанке — появилась какая-то взрослая усталость.

Она достала наушники и надела их, полностью отгородившись от мира музыкой.

Артём вышел из-за угла ей навстречу.

— Лена?

Она вздрогнула всем телом и резко обернулась. Наушники выпали из рук и повисли на проводе. В глазах мелькнул ужас узнавания, который тут же сменился холодной яростью.

— Ты... Какого черта ты здесь делаешь? — прошипела она, быстро оглядываясь по сторонам.

— Мне нужно поговорить с тобой.

— Нам не о чем говорить! Ты исчез на пять лет! Пять чертовых лет! А теперь просто появляешься из ниоткуда? Уходи! Просто уйди отсюда!

Она попыталась обойти его, но Артём мягко преградил ей путь рукой.

— Пожалуйста. Это важно. Это вопрос жизни и смерти... моей жизни здесь.

Лена остановилась и посмотрела ему прямо в глаза. В её взгляде больше не было любви или нежности — только настороженность и страх за себя.

— Твоя жизнь? А мне какое дело? Ты мне никто теперь! И если ты сейчас же не уйдешь...

Она не договорила, но в её голосе звучала такая решимость, что Артём понял: она готова закричать или позвать на помощь.

Он опустил руку и отступил в сторону.

— Хорошо. Я уйду. Но... береги себя здесь.

Она ничего не ответила, лишь подхватила наушники и почти бегом бросилась прочь по дорожке к выходу со двора.

Артём смотрел ей вслед до тех пор, пока её фигура не скрылась за поворотом. На душе было паршиво, но он получил то, что хотел: подтверждение того, что за ним могут следить через неё косвенно. Она права — он принес с собой только проблемы.

Он развернулся и пошел в противоположную сторону — обратно к промзоне и своему временному убежищу в «Металлисте». Впереди был долгий день наблюдения и сбора информации перед тем, как идти на встречу к «Империю». И он должен быть готов ко всему.

Глава 5. «Империя» и её законы.

Солнце клонилось к закату, окрашивая небо над промзоной в грязно-оранжевые тона. Артём стоял на крыше недостроенного цеха, откуда открывался отличный вид на «Империю». Это было не просто здание, а настоящий анклав, маленькая крепость Князя Ибрагимова.

Бывший заводской склад, выкупленный и перестроенный, теперь сиял новеньким сайдингом и панорамными окнами. По периметру шла высокая кирпичная стена с колючей проволокой. У единственных ворот, похожих на КПП, дежурили двое охранников в черной униформе. Они не просто стояли — они прохаживались, постоянно сканируя взглядом прилегающую территорию. Это были не вышибалы из бара, а профи.

Артём достал из кармана бинокль, который нашел в рюкзаке (память о службе — всегда бери оптику). Он навел фокус на площадку перед главным входом. Ровные ряды дорожных машин: черные «Крузаки», пара «Геликов», несколько свежих немецких седанов. Логотип «Империя-Парк» — стилизованная корона — красовался на вывеске над входом и на бортах микроавтобусов с тонированными стеклами.

Он наблюдал уже два часа. За это время территория жила своей жизнью. Приезжали и уезжали люди, охрана проверяла документы у водителей, из ворот периодически выезжали инкассаторские броневики. Деньги здесь текли рекой.

Но Артёма интересовал не фасад. Его внимание привлекло движение с тыльной стороны комплекса. Там, где к стене примыкали гаражи, была небольшая, неприметная дверь. К ней то и дело подходили люди — по одному, оглядываясь. Они не звонили и не стучали. Просто ждали пару минут, и дверь приоткрывалась ровно настолько, чтобы пропустить человека внутрь. Никаких вывесок, никакой рекламы. Это был черный ход для своих.

В кармане завибрировал телефон. Артём вздрогнул от неожиданности. На экране высветилось: «Михалыч».

— Да.

— Ты где? — голос старого участкового звучал глухо и напряженно.

— Работаю.

— Слышь, Артём... Я тут по своим старым каналам поспрашивал. Не лезь ты в это дерьмо. Ибрагимов — это не шпана с района. У него всё куплено: менты, администрация, суды. Он район как карманное государство держит. Тебя сожрут и не подавятся.

— Я уже в игре, Михалыч. Они пришли ко мне домой.

— Тогда беги. Беги отсюда прямо сейчас. Возвращайся туда, где был.

— Некуда бежать. Это мой дом.

В трубке раздался тяжелый вздох.

— Дом... Ладно, волчара. Я тебя предупредил. Если что... я тебя не знаю.

Связь оборвалась.

Артём убрал телефон и снова прикинул к биноклю. Время шло. Он видел, как к черному входу подошел Валет. Он о чем-то коротко переговорил с охранником у двери и скрылся внутри.

Пора.

Артём спустился с крыши, перебежал через пустырь и оказался в лабиринте гаражей с тыльной стороны «Империи». Здесь пахло сыростью и бензином. Он нашел укромное место между двумя ржавыми боксами, откуда была видна та самая дверь.

Ждать пришлось недолго. Через полчаса дверь снова приоткрылась, выпуская наружу какого-то хмурого мужика в кожаной куртке. Артём дождался, пока тот скроется за углом, и быстро, но бесшумно скользнул к двери. Она была металлической, тяжелой, но неплотно прикрытой. Он надавил на неё плечом, протиснулся в узкую щель и оказался внутри.

Он попал в технический коридор: тусклое освещение, бетонные стены, запах хлорки и дорогого парфюма. Где-то сбоку гудела вентиляция. Артём замер, прислушиваясь. Справа доносились приглушенные голоса и музыка — это был парадный холл для клиентов. Слева — тишина.

Он пошел налево. Коридор привел его к лестнице, ведущей вниз, в подвал. Оттуда тянуло холодом и сыростью. Спустившись на один пролет, он услышал голоса внизу.

— ...и чтобы к утру всё было чисто! Понял меня? Никаких следов!

Голос был властным, низким, с легкой хрипотцой. Голос человека, привыкшего отдавать приказы.

— Да, шеф. Всё сделаем в лучшем виде.

Это был Валет.

Артём прижался к стене в тени лестничного пролета. Он слышал шаги по бетонному полу подвала — кто-то шел прямо к лестнице. Артём бесшумно поднялся на пару ступенек вверх и затаился.

На площадку вышел сам Руслан Ибрагимов — Князь.

Он был одет не в спортивный костюм, как его шестерки, а в идеально сидящий темно-серый костюм-тройку поверх черной водолазки. На запястье поблескивали массивные золотые часы. В руке он держал стакан с янтарной жидкостью — виски или коньяк. Он выглядел как успешный бизнесмен, а не как бандит с окраины.

Ибрагимов остановился на площадке, сделал глоток из стакана и посмотрел прямо туда, где прятался Артём. В полумраке его глаза казались черными провалами.

— Я знаю, что ты здесь, Волков, — спокойно произнес он, не повышая голоса. Его слова эхом отразились от стен подвала. — Спускайся. Поговорим как мужчина с мужчиной.

Сердце Артёма гулко бухнуло о ребра. Он понял: его заметили еще на подходе или камеры засекли движение у черного хода. Это была ловушка.

Делать было нечего. Он медленно вышел из тени на свет тусклой лампочки под потолком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.